

Душным июньским вечером торговый центр, возвышавшийся в самом сердце города, застыл прямо напротив знаменитой телебашни на другом берегу реки. На улицах бурлила толпа, а у обочины тянулась вереница временно припаркованных машин.

Шэнь Яо сидел в салоне автомобиля. Положив локоть на опущенное стекло пассажирской двери, он лениво разглядывал гигантский светодиодный экран, сиявший на фасаде высотки.

На экране светился лишь один черно-белый снимок. Закрытая крышка рояля, на которой покоились длинные, тонкие пальцы; высокий альфа слегка приподнял голову, приоткрывая лишь размытый, но безупречно благородный профиль.

Весь кадр казался тусклым, почти безжизненным, и только кружащиеся в воздухе лепестки абрикосового цвета дышали весной, нежно белея с едва заметной розовинкой. Пока Шэнь Яо ждал Сюй Ибая, по меньшей мере десяток прохожих застыли перед экраном, наводя камеры телефонов на этот фасад.

Когда Шэнь Яо уже начал откровенно томиться от скуки, дверца с другой стороны наконец распахнулась.

Услышав шорох, он тут же повернулся к вошедшему.

— Ну почему так долго? — недовольно протянул Шэнь Яо. — Я уже изныл от тоски.

Сюй Ибай стащил кепку и маску, являя миру лицо, в точности повторявшее снимок на рекламном щите. Мягкие, располагающие черты дышали теплом весеннего ветра, и лишь резковатая линия челюсти добавляла облику мужественности, нисколько не нарушая общей гармонии.

— Народу набежало прилично, пришлось постоять в очереди, — мягко объяснил он.

Прежде чем выпустить из рук нарядный бумажный пакет, Сюй Ибай привычным жестом коснулся щеки Шэнь Яо. Из упаковки он достал стаканчик с мороженым, верхушка которого возвышалась над краями, точно заснеженный пик.

Он не спешил отдавать стаканчик, а вместо этого достал ложечку. Набрав немного мороженого, Сюй Ибай поднес его к губам Шэнь Яо и, мягко опустив взгляд, произнес:

— Чуть-чуть подтаяло.

Оба принимали эту заботу как нечто само собой разумеющееся. Шэнь Яо послушно приоткрыл рот, принимая угощение. Стоило любимому вкусу коснуться языка, как он довольно прищурился и расплылся в улыбке:

— И все-таки здесь оно самое вкусное!

— Знаю, как ты его любишь, — отозвался Сюй Ибай. — Потому и привез тебя сюда.

Шэнь Яо показалось это слишком долгим, и он потянулся было забрать стаканчик, но стоило ему протянуть руку, как Сюй Ибай шутливо отвел десерт в сторону.

— Дай я сам тебя покормлю, — мягко настоял он. — Ты ведь совсем вымотался на репетиции.

Возражать не хотелось — лень взяла свое. Шэнь Яо послушно расслабился, принимая из рук Сюй Ибая ложку за ложкой. Подобное занятие могло быстро наскучить кому угодно, но только не ему.

Сюй Ибай никогда не выказывал и тени раздражения. Когда дело касалось заботы о Шэнь Яо, его терпение казалось безграничным.

Сладкое быстро приедалось. Осилив едва ли половину, Шэнь Яо отвернулся и покачал головой:

— Все, больше не хочу.

Он всегда так относился к еде — быстро терял интерес, стоило лишь удовлетворить первое любопытство вкуса.

Сюй Ибай без лишних слов доел остатки — для него это давно стало привычным делом.

Выбросив пустой стаканчик, Сюй Ибай вернулся в салон и уже собирался завести мотор, когда Шэнь Яо внезапно подался вперед.

В тесноте салона развернуться было непросто. Для омеги Шэнь Яо был довольно высоким. Упершись коленом в соседнее кресло, он пригнулся и накрыл губы Сюй Ибая поцелуем.

В этом поцелуе все еще таяла прохладная сладость десерта. Шэнь Яо собирался отстраниться после мимолетного касания, но рука, оставленная на плече Сюй Ибая, оказалась мягко, но крепко перехвачена.

Она медленно скользнула ниже, ложась на его талию.

— И это все? — Сюй Ибай слегка приподнял подбородок. — Решил отделаться от меня дежурным поцелуем?

— Мало? — Шэнь Яо тихонько рассмеялся, его плечи мелко задрожали. — Вот приедем домой, тогда и зацелую. Я ведь тоже соскучился.

В просторной и светлой прихожей Шэнь Яо первым делом бросился Сюй Ибаю на шею. Из-за разницы в росте он, точно домашний кот, слегка склонил голову, ластясь к Сюй Ибаю и вдыхая родной запах.

В нос ударил тонкий, прохладный аромат голубого колокольчика. Эти феромоны всегда дарили ему покой и чувство безопасности. Шэнь Яо крепче прижался к альфе и прошептал:

— Сюй Ибай... Кажется, я безумно по тебе соскучился.

Сюй Ибай подхватил его под бедра, заставляя обхватить себя ногами. Запечатлев на лбу омеги нежный поцелуй, он тепло улыбнулся:

— Да. Я тоже скучал.

Немного помолчав, он тихо исправил сам себя:

— Очень сильно скучал.

Обхватив шею альфы тонкими руками, Шэнь Яо продолжал капризно ворковать:

— Ты вечно занят. Мы не виделись целых три дня! С тебя причитаются извинения.

Квартира была двухуровневой, и Сюй Ибай медленно поднимался по лестнице, не выпуская омегу из объятий и ласково оправдываясь на ходу:

— Прости, родной. Пришлось вплотную заняться подготовкой к концерту. За границей возникли неотложные дела, я просто обязан был поехать.

Известность пришла к Сюй Ибаю еще в ранней юности. Недюжинный талант, виртуозная техника исполнения в сочетании с благородной, утонченной внешностью неизменно обеспечивали ему полные залы. Однако, как это часто бывает с гениями, он отличался безжалостным перфекционизмом.

Прежде, готовясь к очередному выступлению, он мог запереться в репетитории на долгие месяцы и не заниматься ничем, кроме изнурительных тренировок, пока музыка не начинала звучать идеально.

Но теперь в его жизни появился Шэнь Яо. Провести без него даже несколько дней стало для Сюй Ибая невыносимым испытанием.

— Ну ладно, — тихо фыркнул Шэнь Яо. Слегка коснувшись пальцем его кадыка, он шутливо добавил: — Тогда в следующий раз привези мне что-нибудь особенное.

Сюй Ибай невольно улыбнулся:

— Разве я хоть раз возвращался к тебе с пустыми руками?

Спальню венчала просторная двуспальная кровать. Удовлетворенный ответом, Шэнь Яо увлек его за собой в новый поцелуй.

Он никогда не прятал своих чувств. Ему претили жеманство и наигранная холодность; любовь Шэнь Яо была такой же яркой, пламенной и дерзкой, как распутившаяся алая роза.

Губы слились в глубоком, упоительном поцелуе. Шэнь Яо обожал эти мгновения: Сюй Ибай как никто другой умел угадывать малейшие его желания. В такие минуты казалось, будто земля уходит из-под ног, уступая место звенящей, пьянящей невесомости.

Феромоны омеги невольно вырвались наружу, наполнив спальню нежным ароматом абрикосового цвета. Два запаха переплелись в воздухе, рождая изысканный цветочный союз.

Вспомнив недавнюю картину на улице, Шэнь Яо не удержался от шпильки:

— Твое фото на фасаде произвело настоящий фурор. Столько людей останавливалось, чтобы сделать снимок! Знал бы — запечатлел бы это для тебя.

— Перестань подшучивать надо мной, — с легким смущением улыбнулся Сюй Ибай.

— Вовсе я не шучу, — Шэнь Яо ласково коснулся губами кончика его носа и тихо рассмеялся:

— Я ведь искренне считаю тебя потрясающе красивым. Ты у меня такой красавец, милый.

За любые дразнилки рано или поздно приходится платить. Оказавшись на шелковых простынях, Шэнь Яо прерывисто дышал, его грудь вздымалась. Обхватив ногами талию альфы, он сквозь рваные выдохи взмолился:

— Пожалуйста... быстрее...

Сюй Ибай и сам уже едва сдерживал рвущееся наружу пламя. Цветочный аромат в комнате сгустился до предела, готовый мгновенно лишить рассудка любого, кто посмел бы переступить порог.

Тело омеги отозвалось на ласки мгновенно. Из одежды на Шэнь Яо осталась лишь свободная футболка; на его матовой, цвета слоновой кости коже проступил нежный румянец, а взгляд подернулся влажной пеленой, лишенной, впрочем, слез.

Его красота казалась удивительно противоречивой — беззащитная и одновременно колючая, она в равной степени разжигала в душе партнера и яростное желание подчинить, и трепетное стремление защитить.

Сюй Ибай сжимал его бедра, и от каждого резкого движения омега мелко вздрагивал. Шэнь Яо упрямо тянулся навстречу, стремясь утонуть в объятиях альфы — он всегда делал так в минуты близости, словно полностью вручая себя его власти.

— Яояо... — низко выдохнул Сюй Ибай. Этот жест безоговорочного доверия лишал его последних крох самообладания. Он еще крепче перехватил тонкую талию омеги, прижимая его к себе.

В спальне становилось все жарче. Приближался миг, когда инстинкты альфы и омеги должны были слиться в единое целое. Поддавшись зову крови, Сюй Ибай склонился к шее Шэнь Яо. Его клыки обнажились в предвкушении, потянувшись к незащитной, трепещущей железе.

Однако Шэнь Яо вдруг резко пришел в себя. Качнувшись назад, он инстинктивно выставил ладонь:

— Нет... не смей меня помечать.

Капельки пота сбегали со лба, тело Шэнь Яо превратилось в податливый воск, но он упрямо зажимал губы альфы слабеющей ладонью:

— Завтра мне нужно быть дома. Никаких меток, прошу тебя.

На теле омеги, скрепленного меткой, еще долго держится шлейф чужих феромонов. Сюй Ибай прекрасно помнил: Шэнь Яо панически боялся, что родственники прознают об их связи. Но для альфы душить в себе первобытный инстинкт собственника было изощренной мукой. Он молча сгорал изнутри, прикусив язык до солоноватого вкуса крови.

Сюй Ибай всегда отличался мягким нравом, угадывая каждое желание партнера в постели, но сейчас древняя природа брала свое. Невозможность запечатлеть метку на любимом существе отзывалась в груди глухой, удушливой тоской.

Заметив это, Шэнь Яо сам потянулся к его губам. Запустив пальцы в волосы на затылке альфы, он принялся успокаивающе гладить его, точно грозного, но преданного пса. Голос его дрожал от изнеможения:

— Ну не сердись... В следующий раз я позволю тебе укусить меня в ответ. Укусишь столько раз, сколько пожелаешь.

Сюй Ибай обрушился на него с поцелуем такой силы, что Шэнь Яо едва находил возможность сделать вдох. И лишь когда из его груди вырвался невольный, сдавленный стон, альфа словно очнулся и принялся бережно, едва касаясь,лизывать нанесенную обиду.

Пытаясь утихомирить бушующие внутри инстинкты, он лишь шутливо прикусил мягкую щеку Шэнь Яо, не решаясь причинить ему настоящую боль.

После всего Сюй Ибай бережно отнес его в ванную. Когда в комнате наконец погас свет и они

улеглись, Шэнь Яо поудобнее устроился в его объятиях. От усталости его голос звучал сонно и глухо:

— Все еще дуешься на меня?

Сюй Ибай теснее сомкнул объятия, уткнувшись подбородком в макушку омеги. В тишине спальни его вздох прозвучал отчетливо:

— Есть немного. Яояо, мы вместе без малого три года. И все эти три года мы вынуждены прятаться, словно преступники.

Стоило Сюй Ибаю завести разговор о признании их союза или предложить поехать познакомиться с его семьей, Шэнь Яо неизменно находил предлоги, чтобы перевести тему.

Но на этот раз Шэнь Яо не стал уклоняться от ответа. Он приподнял голову и, заглянув Сюй Ибаю прямо в глаза, серьезно произнес:

— На этот Новый год я представлю тебя своей семье. А потом мы вместе поедем к твоим родителям.

— Правда? — Сюй Ибай удивленно распахнул глаза. Его руки сами собой сжали Шэнь Яо еще крепче, а на лице расцвела улыбка, теплая и светлая, как весеннее утро.

— Стал бы я тебе врать? — лениво пробормотал Шэнь Яо, устраиваясь поудобнее. Глаза его слипались от усталости, и он едва слышно прошептал: — Я же говорю... люблю я тебя.

Шэнь Яо крепко уснул, но Сюй Ибай еще долго лежал, глядя в потолок. Неожиданное обещание омеги лишило его сна, наполнив сердце лихорадочным восторгом. В блеклом сиянии луны он осторожно переплел свои пальцы с тонкими пальцами спящего юноши и бережно, едва дыша, поцеловал его в лоб.

Так целуют величайшую в мире драгоценность.

Когда Шэнь Яо открыл глаза, солнце уже перевалило за полдень. Квартира пустовала. Лениво потягиваясь, он добрался до кухни, где на столе обнаружил термобокс с завтраком и прикрепленный к нему стикер с аккуратными, летящими строчками Сюй Ибая.

«Яояо, еда в контейнере, обязательно поешь. Вчера совсем вылетело из головы предупредить: я купил тебе новые вещи на лето и обувь, все уже в шкафу».

Будем откровенны: Сюй Ибай казался идеальным партнером. Потрясающе красив, предупредителен, великолепно готовит и без тени недовольства берет на себя все заботы по дому. Не по годам рассудительный, он сочетал в себе здоровую ревность с полным отсутствием детских капризов. Он буквально жил нуждами Шэнь Яо, и весь его мир вращался вокруг одного-единственного человека.

За три года они ни разу серьезно не поссорились — их совместимость казалась безупречной.

Если бы пару дней назад он случайно не подслушал тот телефонный разговор, он бы и дальше с удовольствием поддерживал эти идеальные отношения. Но жизнь не знает сослагательного наклонения. Он услышал то, что услышал.

Аппетита не было вовсе. Шэнь Яо без всякого интереса заглянул в термобокс и выудил оттуда обычный сэндвич.

Включив телефон, он обнаружил новые сообщения от Сюй Ибая.

«Яояо, я уже на борту. Скоро взлетаем».

«Как только закончу с делами, обещаю, мы будем неразлучны».

Лениво пережевывая сэндвич, Шэнь Яо проигнорировал сообщения. Он равнодушно сунул телефон в карман, даже не поинтересовавшись приготовленными покупками.

Заперев за собой дверь квартиры, он спустился во двор и уехал.

На самой границе города, зажатый между унылыми бетонными коробками окраин, стоял приземистый, но просторный одноэтажный павильон. Его внешние стены пестрели некогда яркими флуоресцентными граффити, которые со временем потускнели и местами начали осыпаться.

Когда-то давно это логово оборудовали под свой тайный притон несколько богатеньких бездельников, переживавших период подросткового бунта. Со временем круг посвященных расширился, тайное стало явным, и «база» превратилась в излюбленное место для закрытых тусовок золотой молодежи.

Внутри вовсю ревели кондиционеры, спасая от летнего зноя. Шэнь Яо сидел в одиночестве у стойки бара на высоком табурете. Надвинутая на самый лоб кепка прятала лицо в тени, оставляя на виду лишь точеную бледную челюсть.

Его красота была слишком броской — даже надвинутый козырек не мог полностью уберечь от любопытных глаз. Вдобавок он практически не появлялся на подобных сборищах, отчего для большинства здешних завсегдатаев оставался загадочной фигурой.

— Угостить тебя чем-нибудь? — раздался рядом настойчивый мужской голос.

Возле барной стойки вырос холеный альфа. В его интонациях сквозила откровенная похоть — очевидно, он принял Шэнь Яо за случайного омегу, решившего попытать счастья на закрытой

вечеринке.

Подперев подбородок ладонью, Шэнь Яо лениво скользнул по нему взглядом из-под козырька кепки. На его лице застыла такая вселенская скука, что между ними мгновенно выросла невидимая ледяная стена.

Не успел он открыть рот, как незнакомца бесцеремонно ухватили за плечо и оттащили в сторону. Появившийся точно из-под земли Дай Синхуэй ледяным тоном бросил:

— А ну брысь отсюда. Рожей не вышел, чтобы рядом стоять.

Наглец хотел было возмутиться, но, признав в обидчике Дай Синхуэя, осекся на полуслове и трусливо вжал голову в плечи.

Дай Синхуэя откровенно трясло от злости. Не совладав с собой, он с размаху пнул парня в живот:

— Шэнь Яо у нас скромный, его ты не знаешь, допустим. Но меня-то, сука, ты в лицо должен помнить?!

Они с Шэнь Яо выросли в одном дворе. Местное общество делилось на касты, и семейство Шэнь занимало в нем такое положение, о котором большинство здешних альф не смели даже мечтать. И пусть Шэнь Яо остался сиротой, фамилия его по-прежнему весила слишком много.

К тому же каждый в их кругу знал: дядя сдувает с племянника пылинки и относится к нему как к родному сыну. В глазах золотой молодежи Шэнь Яо оставался неприкосновенным, холемым принцем.

Вокруг Шэнь Яо вечно увивались толпы обожателей, ловивших каждый его вздох, и никто не смел вести себя с ним настолько развязно.

Дай Синхуэй замахнулся было для второго пинка, но Шэнь Яо негромко остановил его:

— Будет с тебя.

Дай Синхуэй нехотя опустил ногу и напоследок сквозь зубы бросил убирающемуся восвояси альфе:

— Проваливай, мразь.

Сволочь поспешно уволокли перепуганные друзья. Дай Синхуэй уселся рядом с Шэнь Яо, впившись в него жадным взглядом. От прежней ярости в его голосе не осталось и следа:

— Яоя, какими судьбами здесь? Ты ведь обычно...

На полуслове он вдруг осекся. Выражение его лица стремительно изменилось, глаза потемнели от ярости. Он резко поднялся, но тут же спохватился и, силой выдавив из себя

подобие улыбки, спросил:

— От тебя разит чужими феромонами. Причем так густо... У тебя что, появился альфа?

Он думал, что держит себя в руках, но вздувшиеся на шее вены и побелевшие костяшки сжатых кулаков выдавали его с потрохами. От взгляда Шэнь Яо это не укрылось.

Шэнь Яо не спешил с ответом. Каждая секунда этой тишины тянулась для Дай Синхуэя как изощренная пытка. И лишь когда глаза альфы начали наливаться влагой от обиды, Шэнь Яо неторопливо спросил в ответ:

— Какого еще альфу ты выдумал?

Он негромко рассмеялся. Его взгляд оставался удивительно чистым, ясным, в нем светило лишь легкое, искреннее недоумение.

— У меня никого нет, — мягко пояснил он. — А запах... Наверное, просто случайно нахватался где-то по дороге.

<http://bllate.org/book/18245/1748431>